

По сравнению с джипом «Рэнглер» Хасэгава Тору, шумоизоляция «Порше 356А» была на голову выше — почти не чувствовалось ни посторонних звуков, ни вибрации двигателя.

Хасэгава Тору, пребывавший в периоде адаптации и потому страдавший от сонливости, беззвучно зевнул и костяшками пальцев смахнул выступившие в уголках глаз слезинки.

Он крепче прижал к себе клинок Нитирин.

Когда «Порше» вывернул на следующий перекресток, кареглазый альфа уже спал, и из его носа доносилось тяжелое дыхание — сказывалась неудобная поза. Даже такой холодный человек, как Джин, невольно испытал недоумение.

Он не считал себя добряком, и хотя сегодня не угрожал парню пистолетом, этот сопляк вел себя уж слишком беспечно. То ли он был таким простаком, то ли настолько уверен в собственных силах?

Сереброволосому наемнику, привыкшему ходить по лезвию ножа, этого было не понять.

А сидевший за рулем Водка и вовсе пересмотрел свое отношение к этому юноше: не у каждого хватит храбрости уснуть в присутствии босса, ведь никто не знает, откроются ли после этого глаза.

Но у Хасэгавы Тору таких опасений, очевидно, не было — он проспал сладким сном до самого пункта назначения. Когда Джин, схватив его за воротник, вытащил из машины, парень еще не до конца пришел в себя и, обнимая свой клинок, сделал несколько нетвердых шагов, прежде чем устоять на ногах.

Альфа вздрогнул от нетерпеливого цоканья сереброволосого мужчины и наконец осознал, что произошло.

Столкнувшись с мрачным омегой, юноша смущенно прочистил горло:

— Пойдем. Если повезет, сегодня ночью мы его поймаем.

Однако на его щеке все еще оставался красный след от прижатия к стеклу машины, что выглядело крайне неубедительно.

Перед выходом Хасэгава Тору специально заглянул на склад за флаконом яда из глицинии, приготовленным Кочо Синобу, чтобы демон, будучи пойманным и обездвиженным, не погиб раньше времени.

— Мы? — Джин с иронией повторил слово, и когда кареглазый юноша вопросительно

посмотрел на него, прислонился к «Порше» и не спеша вытащил из кармана сигарету. — Нет, разумеется, ты пойдешь один.

Сереброволосый омега произнес это холодно и отрезал всякую возможность спора.

Красный огонек сигареты вспыхнул в ночи, словно звезда, зажатая между его пальцев — она горела, но могла погаснуть в любой миг.

Хасэгава Тору никогда не встречал таких людей.

Опасный, погруженный во тьму, он нес в своей осанке гордость человека, который презирает идею идти с кем-то плечом к плечу. Он походил не на вожака стаи, а на одинокого волка, вышедшего из снежных глубин сибирской равнины.

А временами он был просто невыносимым.

— Сказал бы сразу, нечего было ехать со мной, ведь даже ждать здесь опасно, — проворчал альфа. — Я-то думал, ты хочешь проконтролировать мою работу.

Джин не собирался реагировать на детские провокации альфы. Он лишь слегка приподнял веки и бросил насмешливый взгляд:

— Не справляешься?

Молодой альфа в период адаптации терпеть не мог таких слов.

Хасэгава Тору:

— ...

Хасэгава Тору:

— Бесишь!

Он сделал несколько шагов, обернулся и злобно бросил:

— Еще пожалеешь!

Он твердо решил: если сегодня удастся поймать демона, по возвращении он сразу добавит этого типа в черный список и забудет о нем навсегда.

Но, очевидно, удача, сопровождавшая Хасэгаву Тору в прошлые разы, на этом закончилась. Даже когда на горизонте забрезжил рассвет и в деревне запели петухи, он так и не нашел следов присутствия демона.

Неудивительно, что это был тот самый демон, за которым Тандзиро охотился почти неделю и так и не смог поймать.

Альфа был подавлен, и даже его свежая стрижка не могла скрыть растрепанного и жалкого вида. Пытаясь найти логово демона, он случайно перевернул миску с едой у какой-то собаки и, извиняясь, убегал от нее добрых два километра.

Вспомнив, как грозно он держался перед уходом, молодой мечник почувствовал такой стыд, что готов был провалиться сквозь землю.

У-у-у, какой позор!

Конечно, альфа мог вернуться с пустыми руками — по правде говоря, для Отряда истребителей демонов это было нормой. Говорили, что Кибуцудзи Мудзан был тяжело ранен и исчез, и с тех пор о нем не было ни слуху ни духу — лишь изредка появляющиеся демоны доказывали, что он еще жив.

Но Хасэгаве Тору ужасно не хотелось падать в глазах сереброволосого мужчины; он жаждал доказать свою силу.

Если бы здесь был Сабито, он бы наверняка сказал своему подопечному, что это нормально и в нем говорит лишь проснувшееся из-за периода адаптации соперничество, тем более что этот период у Тору был спровоцирован феромонами Джина.

Но опекун явно не мог ему помочь.

Джин сидел на заднем сиденье «Порше», опираясь локтем на дверцу, и с невозмутимым видом наблюдал, как кареглазый юноша приближается к машине в лучах утренней зари.

— Провалился?

Сереброволосый мужчина усмехнулся, его взгляд был острым, как лезвие. Он поправил шляпу, из-под которой выбивалась лишь прядь серебристых волос.

Не дожидаясь ответа альфы, он убрал руку и натянул поля шляпы пониже:

— Поехали, Водка.

Черный «Порше» сорвался с места и скрылся вдали, оставив юношу в облаке пыли.

Хасэгава Тору:

— ...

Чувство досады достигло дна, а уровень гнева, напротив, взлетел до небес. Кареглазый альфа стиснул зубы, сглатывая подступившие слезы.

...Но как ему теперь возвращаться?

В итоге Хасэгаве Тору пришлось позвонить и попросить Тандзиро, который проводил поиски неподалеку, подбросить его.

— Как раз давно не навещал старших товарищей, — Тандзиро посмотрел на приунывшего юношу на пассажирском сиденье и ободряюще потрепал его по голове.

Казалось, он был наделен врожденным даром приносить покой и тепло. Будучи старшим сыном в семье, он привык заботиться о братьях и сестрах, и эта забота теперь перепала и Хасэгаве Тору.

— Если хочешь спать — спи, проснешься — уже будем дома.

Так сказал надежный старший товарищ с темно-красными волосами, чьи серьги-ханафуда тихонько позвякивали в такт движению. В машине царила атмосфера, теплая, как солнце, и альфа невольно почувствовал себя в безопасности.

Когда он снова открыл глаза, на нем лежало мягкое одеяло, от которого исходил знакомый запах. Тандзиро часто держал его в машине, когда Тору был еще ребенком и ходил с ним на задания. Удивительно, что спустя столько лет он его не выбросил, а благодаря частым проветриваниям одеяло сохранило сухое тепло.

Альфа уже вытянулся, и плед едва прикрывал его торс, но этого было достаточно, чтобы эмоции юноши, впервые переживающего период адаптации, начали утихать.

Машина уже стояла на знакомой парковке, лишь заднее стекло было слегка приоткрыто для вентиляции.

Кареглазый юноша аккуратно сложил плед на пассажирском сиденье — он специально расправил его так, чтобы рисунок с мультяшной собачкой оказался ровно посередине — и с хорошим настроением похлопал по нему.

Хасэгава Тору всегда был таким: стоило произойти чему-то хорошему, как все невзгоды мгновенно отступали.

— В конце концов, Гэто-кун на самом деле очень добрый человек.

Незнакомое имя донеслось из гостиной. Альфа с любопытством остановился. Увидев, что дверь в чайную комнату приоткрыта, он подумал, что там беседуют Сабито и Тандзиро, но, похоже, там был кто-то другой.

Судя по голосу, тоже молодой парень.

Наверное, тот, кого спас Сабито.

Это было в порядке вещей. Они убивали демонов и спасали людей. И хотя среди спасенных попадались разные личности, было немало и тех, кто искренне благодарил их. В такие моменты Хасэгава Тору всегда находил смысл своего существования.

Юноша улыбнулся и уже хотел войти, как вдруг услышал, что Сабито рассмеялся:

— Если бы не Гэто-кун, который отвез меня в больницу, я бы вряд ли так быстро поправился.

О, так это и есть тот, кто спас Сабито?

Симпатия Хасэгавы Тору к незнакомцу в чайной комнате мгновенно возросла. Сабито не разрешал ему без надобности использовать Алису, поэтому, если раны не угрожали жизни, их обычно лечили в Доме бабочек или в больнице.

В таких случаях промедление могло привести к серьезным осложнениям.

Сабито поставил чайник на жаровню и заметил альфу, заглядывающего в дверной проем. Его растрепанные волосы торчали в разные стороны.

Заметив, что опекун его обнаружил, кареглазый юноша потянулся к голове, пытаясь пригладить торчащие пряди.

Сабито помахал ему рукой.

Сидевший спиной к двери юноша, который до этого держал спину идеально прямой, тоже обернулся.

На темном хаори Хасэгавы Тору серебряными нитями был вышит узор журавля, клинок

Нитирин на левом бедре скрывался под широкими полами одежды, пояс подчеркивал стройную и крепкую талию, а длинные сильные ноги были скрыты под удобными штанами формы.

У него были красивые черты лица, прямая осанка, и он, улыбнувшись гостю, кивнул — настоящий искусный мечник.

Гэто Сугуру вежливо кивнул в ответ.

Когда Хасэгава Тору опустился на колени рядом с ними, Сабито представил их друг другу.

На самом деле гостя стоило назвать подростком — он был совсем юн, только-только отпраздновал шестнадцатилетие и даже после апрельского начала занятий переходил лишь во второй класс старшей школы. По сравнению с Хасэгавой Тору, который уже закончил университет, он был настоящим младшим братом, нуждающимся в заботе.

У Хасэгавы Тору тут же загорелись глаза — он тоже хотел стать надежным старшим товарищем!

Но, судя по всему, Гэто Сугуру пришел не для того, чтобы вступить в Отряд истребителей демонов, а чтобы докопаться до истины.

— В этом мире существуют твари, которые едят людей, — сказал юноша с пучком на голове. У него была классическая, мягкая внешность — тонкие брови, миндалевидные глаза, большие мочки ушей, — но при этом в ушах красовались слегка бунтарские плаги. — Именно поэтому Сабито-сэмпай был ранен, верно?

Хасэгава Тору кивнул.

Демоны, значит.

Он помнил, что в прошлый раз Сабито убил демона из Двенадцати лун — это было невероятно, в одиночку одолеть такое существо.

Гэто Сугуру посмотрел на них обоих:

— Так это и есть проклятые духи?

Хасэгава Тору:

— ?

Кареглазый юноша моргнул и с недоумением спросил:

— Гэто, а разве у вас их называют не демонами?

Улыбка Гэто Сугуру на мгновение застыла. Почему после Годзё Сатору он снова встретил такого фамиллярного человека, который с ходу называет всех по имени?

Неужели им самим не неловко?

<http://bllate.org/book/18699/1807254>